

III.

Обѣдъ былъ нѣсколько лучше, чѣмъ обыкновенно; очевидно, Варвара Тихоновна заранѣе приготовилась къ нему. Но она извинилась предъ дорогими гостями за то, что онъ не отвѣчаетъ сегодняшнему радостному событію.

Когда послѣ жаркого было подано шампанское — эта единственная бутылка, по объясненію Варвары Тихоновны, случайно нашлась въ погребѣ — Никодимъ Павловичъ, держа бокалъ, сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Когда пьютъ, то всегда чего-нибудь желаютъ. Позволю себѣ выразить слѣдующее пожеланіе Пчелкѣ. Выйдя замужъ, она должна безопасно порхать и летать ровно пять лѣтъ. Ѳеодоръ Игнатьичъ дасть ей возможность не утруждать себя хозяйственными заботами...

Онъ посмотрѣлъ на жениха.

— Я ужъ общалъ, — прервалъ Гранковскій Прягина, — держать Раису Николаевну подъ стекляннымъ колпакомъ!

— Да, да, совершенно вѣрно — подъ стекляннымъ колпакомъ! — подхватилъ Прягинъ, нахмурившись. — Потому что Пчелка — самое нѣжное растеніе въ цѣлой вселенной, и если подуетъ на нее холодный вѣтеръ, она завянетъ...

— Никодимъ Павловичъ, мнѣ стыдно, что я такое растеніе или такое насѣкомое!

— Розѣ не стыдно быть розой, и Пчелкѣ нечего стыдиться своей тонкой природы... По истеченіи пяти лѣтъ, Пчелка приобрѣтетъ румянецъ во всю щеку, ручки ея сдѣлаются пухлыми, и въ одинъ прекрасный день я увижу ее съ кудрявымъ малюткой...

Ѳеодоръ Игнатьичъ крикнулъ: „ура!“ и сухо засмѣялся. Раиса чокнулась съ нимъ своимъ стаканомъ. Она сказала ему что-то шопотомъ, но такъ тихо, что онъ не разслышалъ. Онъ добижался, что именно прошептала она. Но ужъ ей казалось неловкимъ повторить.

— Ничего, ничего, право, ничего! — говорила она, улыбаясь. Варвара Тихоновна подошла и поцѣловала падчерицу.

— О чемъ задумались, Никодимъ Павловичъ? — спросилъ послѣ обѣда Ѳеодоръ Игнатьичъ, глядя на него сытыми глазами.

Прягинъ медленно натягивалъ перчатки.

— Я задумался о томъ, Ѳеодоръ Игнатьичъ, что надо ѣхать